«ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ»: ПЕРВЫЙ ГОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ (1930)

И. Д. Петришина

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 1 февраля 2024 г.

Аннотация: рассматривается хозяйственное положение колхозов Центрально-Черноземной области (далее – ЦЧО) в первый год коллективизации, показаны особенности коллективизации крестьянских хозяйств зернового района, которому отводилось первостепенное значение в решении зерновой проблемы сталинской «революции сверху». Начало строительства социализма в сельском хозяйстве представлено через призму отношений государство – колхоз – крестьяне. В отношении динамики коллективизации автор приходит к выводу, что для ЦЧО был характерен максимальный темп роста колхозов, усиленный и углубленный процесс обобществления средств производства.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, колхоз, хлебозаготовки, район сплошной коллективизации, округ, политика ликвидации кулачества.

Abstract: the author examines the economic situation of the collective farms of the Central Black Earth Region in the first year of collectivization. The article shows the features of collectivization of peasant farms in the grain region, which was given paramount importance in solving the grain problem of Stalin's «revolution from above». The beginning of the construction of socialism in agriculture is presented through the prism of relations between the state – collective farm – peasants. With regard to the dynamics of collectivization, the author comes to the conclusion that the Central Black Earth Region was characterized by the maximum rate of growth of collective farms, an intensified and in-depth process of socialization of the means of production.

Key words: peasant farming, collective farm, grain procurement, area of complete collectivization, district, policy of eliminating the kulaks.

Хозяйственное строительство колхозов в первый год коллективизации является неизученной проблемой. Значительные результаты достигнуты историками по вопросу государственной политики коллективизации в различных регионах России и формам крестьянского сопротивления насильственной коллективизации. Большое количество работ посвящено процессу раскулачивания, изучению «кулацкой ссылки» и труда спецпереселенцев. Однако, как только крестьяне переступали «ворота» колхоза, их труд в коллективном хозяйстве, особенно в первый год образования колхозов, оставался неизученным. Восполнить этот пробел на примере аграрного региона страны – Центрального Черноземья – позволяют как опубликованные, так и архивные источники.

Особенностью коллективизации крестьянских хозяйств ЦЧО являлось то, что, как зерновому району, области отводилось первостепенное значение в решении зерновой проблемы сталинской «революции сверху». Социально-политическая задача коллективизации состояла в создании прочной опоры большевистской власти в деревне и сплочении крестьянства

вокруг советов. Таким образом большевики планировали сформировать новые социально-технические отношения (государство – колхозы – крестьяне) в процессе создания аграрного обобщественного производства. И. В. Сталин в своей статье «Головокружение от успехов» 2 марта 1930 г. в газете «Правда» указал, что наиболее целесообразной формой решения зерновой проблемы является артель.

В ЦЧО индивидуальные крестьянские хозяйства подлежали форсированной коллективизации, поэтому в области так же, как и повсеместно, местные органы власти с помощью насилия и репрессий включились в гонку за повышенные результаты, а данные о числе коллективизированных хозяйств завышались. В справке, составленной Информотделом ОГПУ в начале января 1930 г., сообщалось, что в Усманском округе, Аннинском районе работа по организации колхозов «началась с арестов». Производились подворные обходы, описывалось имущество и предлагалось крестьянам «беспрекословно расписаться в том, что вступили в колхоз». Нежелающих вступать в колхоз арестовывали целыми группами, включая и женщин с грудными детьми. За период с 24 декабря 1929 г. по 5 января 1930 г. по 16 сельсовете

там из 25 было арестовано 144 человека, из которых 80 % являлись бедняками и середняками. В результате таких методов уровень коллективизации в районе за 10 дней поднялся с 26 до 82,4 %. Аналогичное положение наблюдалось и в других районах области – Тамбовском, Курском, Белгородском, Льговском. Тем не менее в официальных партийных документах и литературе утверждалось, что до февраля 1930 г. происходил здоровый рост колхозного движения и только со второй половины февраля стали обнаруживаться ошибки и перегибы. Между тем из-за террора уже к концу 1929 г. в округах ЦЧО начался массовый развал колхозов. В отдельных колхозах выбыло 70 % членов. В отношении крестьян, вышедших из колхозов, продолжалось экономическое принуждение, им не возвращали скот и сельхозинвентарь, семена и землю. Однако М. И. Калинин, вернувшийся из поездки в ЦЧО, доложил, что не видел особых нарушений и перегибов [1, с. 11, 12, 22, 99, 100].

Более полные сведения о динамике крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы на 1 апреля 1930 г., представлены Наркомземом и Колхозцентром, отражены в табл. 1. Из данных таблицы видно, что масштабные темпы коллективизации ЦЧО наблюдались с октября 1929 г. до 20 февраля 1930 г. и превосходили как общесоюзные, так и запроецированные планы Колхозцентра. К 20 марта ЦЧО значительно перевыполнила план Колхозцентра и занимала третье место в СССР по количеству обобщественных хозяйств после Крымской и Татарской АССР. Затем к 1 апреля был отмечен массовый выход крестьян из колхозов.

Задания пятилетнего плана коллективизации в СССР оказались далеко превзойденными уже в 1930 г. На 1 декабря было объединено свыше 24,1 % всех крестьянских хозяйств, а в основных зерновых районах этот процент повысился до 49,3 % [2, с. 231]. В области также были перевыполнены и другие показатели плана коллективизации сельского хозяйства, что показывают данные табл. 2.

Таблица 1

Сведения о числе хозяйств, вступивших в колхозы, на 1 апреля 1930 г., % [1, с. 364, 365]

Район	1 октября 1929 г.	20 января 1930 г.	20 февраля 1930 г.	20 марта 1930 г.	1 апреля 1930 г.	Было запроецировано по плану Колхозцентра
СССР	7,5	21,6	52,7	53,5	37,3	–
ЦЧО	9	40	79,4	78,8	38,9	47,4

Таблица 2

Показатели выполнения плана коллективизации в ЦЧО [3, с. 4]

Показатели	План на 1933 г. (5-й год пятилетки)	Выполнение на 1 февраля 1931 г. (за 2 года пятилетки)	Процент выполнения
Общее число колхозов	5468	9840	180
Число хозяйств	401 526	545 394	135,8
Площадь посева	1 966 000	2 064 329	105
По посеву, %	18,4	22,5	–
По населению, %	15,7	21,5	–

В ЦЧО в январе–марте 1930 г. в колхозы было записано 84 % крестьянских дворов. В марте–апреле в результате исправления допущенных перегибов, насилия, формализма, приписок наблюдался выход бедняков и середняков, и в результате процент коллективизации снизился до 15,8 % [3, с. 5, 6]. Особенно сильный «прилив» крестьян в колхозы был отмечен в январе 1930 г. По отдельным южным районам области коллективизация достигла 95 %. Еще в октябре 1929 г. Президиум Облисполкома ЦЧО постановил «максимально развернуть работу по организации в районах свеклосеяния – подойти вплотную к вопросу сплошной коллективизации в отдельных округах с развитой сахарной промышленностью – Белгородском, Льговском [4, л. 12].

С хозяйственной точки зрения опыт и результаты прошедших 1920-х гг. показывал, что колхозы, включая простейшие их виды, строились почти исключительно на обособленных участках и небольшими группами от 6 до 20 хозяйств, или в поселках, имеющих максимум 40–50 хозяйств. А к концу первой пятилетки в соответствии с «Пятилетним перспективным планом развития хозяйственной и культурной жизни Тамбовского округа на 1927–28 и 1931–32 гг.», принятым Тамбовской окружной плановой комиссией еще в 1929 г., предполагалось довести количество объединяемых крестьянских хозяйств до 3,8 % к общему числу крестьянских хозяйств губернии [5, с. 48].

Государство возлагало на еще не организованные колхозы грандиозные обязательные плановые зада-

ния. Например, на 1930 г. по Козловскому округу было намечено увеличение валовой продукции яровых культур на 21,6 % за счет расширения посевных площадей на 7,9 % и повышения урожайности не менее чем на 13,7 %. В целевой установке для крестьянских хозяйств использовался опыт предшествующих хлебозаготовительных кампаний: окружной план являлся основой для составления районных планов, затем поступало «твердое» задание отдельному селу и колхозу, а также каждому двору: распашка всей площади залежей, ликвидация недосева, максимальное сокращение проезжих дорог, введение многопольных севооборотов и т. д. [6, с. 6].

На весну 1930 г. планировалось полностью обобществить всю площадь яровых посевов во всех видах колхозов ЦЧО, а также всю озимую площадь, засеянную индивидуальными хозяйствами. Был взят курс на образование крупных колхозов (до 15 000 га) и сплошную коллективизацию целых районов и округов со специализацией по основным ведущим отраслям хозяйства при обобществлении пашни, инвентаря и рабочего скота на 100 %. Было установлено, что процент коллективизации бедняцко-средняцких хозяйств в каждом районе уже в 1930 г. составит по зернопроизводящим районам 90 %, а по остальным – 75 %. К концу 1930 г. Борисоглебский, Львовский, Острогожский, Россошанский, Тамбовский и Белгородский округа подлежали сплошной коллективизации, причем уже к началу весенней посевной кампании 1930 г. – Львовский и Острогожский округа [7, с. 7, 8, 13, 14].

А. В. Чаынов в 1928 г. признавал, что при прочих равных условиях крупное хозяйство всегда будет иметь значительное преимущество перед мелким, однако в земледелии количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким не очень значительно, и природа земледельческого производства не только умеряет преимущества крупной формы хозяйства, но даже ставит естественные пределы его укрупнения, делая его дальнейший рост невыгодным; необходимы поиски оптимальных размеров хозяйства в земледелии, при которых себестоимость получаемых продуктов будет наименьшая [8, с. 6–13].

Местное руководство считало недостаточной «роль социалистического сектора в животноводстве» и постановило «усилить отбор скота, в частности, молочного, для колхозов и совхозов» [4, л. 31]. С особой энергией была проведена кампания по обобществлению рабочего и продуктивного скота. Для хозяйств, которые успели ликвидировать свой скот перед вступлением в колхоз, вводился дополнительный пай в размере ликвидированных средств производства. Парадоксально, но отказ в приеме в колхоз должен был служить стимулом для крестьян вступить туда. Вступительный паевой взнос диффе-

ренцировался в соответствии с ранее уплачиваемым налогом от 10 до 100 руб. [7, с. 9].

Практика раскулачивания в ряде районов началась по инициативе партийных комитетов еще до принятия известного постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. Так, пленум обкома ВКП(б) ЦЧО принял решение о ликвидации кулачества как класса 27 января 1930 г. [1, с. 16, 17]. В районах сплошной коллективизации проводилась политика ликвидации кулачества как класса при полной его изоляции. В остальных районах действовал принцип постепенного перехода от лозунга ограничения и вытеснения кулачества к политике его ликвидации по мере перехода к «крупному социалистическому земледелию» (сплошной коллективизации). В резолюции пленума Обкома ВКП(б) по докладу И. М. Варейкиса «О мерах ликвидации кулачества как класса в связи со сплошной коллективизацией ЦЧО» было признано: кулаков в колхозы не принимать, а вступивших туда изгонять, лишая земли, инвентаря, скота, построек; их имущество поступало в обобществленные неделимые капиталы колхозов или передавалось на покрытие паевых и членских взносов батрачества и бедноты, вступающих в колхозы. Кулацкие хозяйства, выселенные на отдаленные земли вне колхоза «без ущерба землеустройству колхозов», должны были в обязательном порядке выполнять все требования земельных органов по проведению агроминимума, а в случае нарушения этих требований навсегда лишались права пользования землей с выселением из района или округа, а в исключительных случаях и области [9, с. 6, 7, 10, 11]. Таким образом, по своему социальному составу колхозы были исключительно бедняцко-батрацко-средняцкие. В таких колхозах даже простое сложение простейших средств производства, при отсутствии лошадей у более половины крестьянских хозяйств, не могло обеспечить выполнения поставленных задач в первый год коллективизации.

Финансирование колхозов шло за счет государственных кредитов и вложений самих колхозников. 4 января 1930 г. И. В. Сталин заявил, что проект наркома земледелия СССР Я. А. Яковлева по коллективизации переработан, исходя из установки на переключение всех сил и средств «в сторону максимального обслуживания растущего колхозного строительства в ущерб индивидуальному хозяйству» [1, с. 10]. Теперь государство не предоставляло семенную ссуду, как это было в годы нэпа. Помощь беднякам изыскивалась прежде всего через «мобилизацию» возможностей самого села. Земля кулацких хозяйств, не желающих засеивать свои земли, подлежала изъятию в пользу колхоза или для нужд общественного семфонда [6, с. 6, 17].

Единственная государственная помощь колхозам – кредитование – была возможна только при

максимальной мобилизации средств крестьянства. Президиум Облисполкома ЦЧО постановил все сельское строительство в 1930 г. обеспечить за счет самообложения крестьянских хозяйств [4, л. 3]. Строительные работы проводились полностью за счет использования собственных сил колхозов [10, с. 22, 25]. Вся ответственность за выполнение намеченных планов возлагалась на сельские советы [6, с. 8]. Распределение источников финансирования колхозов в 1930 г. представлено в табл. 3, из которой видно, что в 1929 г. удельный вес вложений самих крестьян в колхозы составил 24,3 %, а в 1930 г. – 64,8 %. Несмотря на колоссальный прирост вложений собственных средств колхозов в 1930 г., руководство ЦЧО считало их недостаточными.

Таблица 3
Вложение государства в колхозы и доля участия самих колхозников, тыс. руб. [3, с. 14]

Источники финансирования колхозов	1929 г.	1930 г.	Прирост за год, %	Намечено в 1931 г.	Прирост за год, %
Вложения государства	10 843,7	30 939,2	285,3	74 444,7	240,7
Вложения самих колхозов	2444,6	20 053,9	820,3	32 319,8	161,2
Удельный вес, %	24,3	64,8	–	43,4	–

Даже для небольшого роста колхозов в 1930 г. требовалась организация тракторных колонн как технической и организационной предпосылки коллективизации, введение в практику многолетней контрактации, усиление агрономического и организационно-инструкторского аппарата с прикреплением его к «кустам», а также увеличение кредитных ассигнований [11, с. 4].

Поступление тракторов в 1930 г. было незначительным: всего 3708 тракторов против 2913 в 1929 г. Ставка по механизации сельских работ была сделана на помощь близлежащих совхозов и рост количества машинно-тракторных станций в будущем: на 1931 г. была намечена обработка трактором всего 12 % земельной площади колхозов. Между тем в весеннюю посевную кампанию 1931 г. планировалось распахать в среднем на одно хозяйство колхозника 4,4 га, в то время как на одно хозяйство единоличника – всего 2 га; такое увеличение колхозной пашни могло быть достигнуто, по мнению властей, благодаря переходу на многополье, использованию залежей и так называемых неудобий. В колхозах особенно возрастала нагрузка посевов технических культур (сахарной свеклы, подсолнуха, сои, корнеплодов): в 2–3 раза по сравнению с единоличниками [3, с. 12, 19].

При недостаточном количестве тракторов была установлена «полезная» работа трактора в 20 часов, а лошади – в 12–13 часов в день в период весеннего сева [10, с. 24]. Во время уборки урожая 1930 г. нагрузка на рабочую силу и тяговую силу в колхозах значительно превышала таковые в индивидуальных крестьянских хозяйствах, что показано в табл. 4.

Таблица 4
Нагрузка на рабочую и тяговую силу и машины при уборке урожая в 1930 г. [3, с. 17]

Нагрузка	В колхозах, га	В индивидуальных хозяйствах, га
На трудоспособного работника	2,5	1,7
Отдельно на мужчин	5,3	3,6
На одну лошадь	10,8	7,6
На одну жатку	108	54 (нормальная нагрузка)

Массовый рост колхозного движения, индустриализация и специализация различных отраслей сельскохозяйственного производства требовали подготовки значительного числа квалифицированных кадров, руководящих работников и специалистов. Между тем на начало 1931 г. в области не хватало 65 агрономов, и 54 райколхозсоюза не имели ни одного агронома, не хватало 320 участковых агрономов и 110 помощников агрономов, 10 000 председателей и членов правлений, 12 000 бригадиров-полеводов и т. д. По социальному составу правления включали 91,5 % батраков, бедняков и середняков. Для подготовки кадров работали краткосрочные курсы 5–10 дней или 2–12 недель, однако многие слушатели, окончив курсы, не возвратились в колхозы, а перешли на работу в другие организации по другим специальностям [3, с. 35–37].

Каким представляется хозяйство при обобществлении труда? Именно организация труда была самым проблемным вопросом в практике колхозного строительства. С высоких трибун, в планах, очередных задачах и отчетах партийных и советских руководителей звучали главные проблемы – организационно-хозяйственное укрепление колхозов и повышение производительности труда. Эти задачи не могли быть решены в ближайшем будущем, и поэтому на первый план выходили проблемы повышения трудовой дисциплины, правильное и рациональное использование имеющихся скудных средств производства. Партийное руководство справедливо считало, что решать эти задачи следует, руководствуясь принципом заинтересованности и поощрения труда самих колхозников.

Основной формой построения рабочей силы в колхозах являлась бригада. Такой способ организации труда имел много недостатков: «текучесть» бригад при

переброске колхозников из одной бригады в другую; «громоздкость» бригад, доходившая до 300 человек вместо 40–60; прикрепление бригад с орудиями и тяглом на все лето к определенному участку, что лишало возможности маневрировать средствами производства и рабочей силой; и, как следствие, отсутствие норм выработки и сдельных работ и невозможность их учета. Неотложной проблемой становился женский труд, поскольку в колхозах не было яслей, детских учреждений, детских площадок, столовых, и женщины тратили по 5–6 часов в день на домашнюю работу [там же, с. 20–21]. К тому же принцип оплаты за труд в соответствии с количественными и качественными трудовыми затратами, с учетом поправок, облегчения нетрудоспособных и регулирования труда между многосемейными и малосемейными хозяйствами вступал в противоречие с принципом оплаты труда по количеству едоков. Таким образом, улучшение организации труда внутри колхозов обрекало на тяжелейшее выживание крестьянские семьи колхозников, поскольку, кроме личного подсобного хозяйства у них не было средств к существованию [12, с. 5]. Решение такой социальной проблемы было предусмотрено в примерном Уставе сельскохозяйственной артели: «Артель оказывает материальную помощь своим нетрудоспособным членам... Условия и размер этой помощи определяются правлением и утверждаются общим собранием в соответствии с хозяйственными возможностями артели, но не свыше среднего заработка» [13, с. 28].

При распределении урожая 1930 г. в ряде районов были установлены грубейшие нарушения. По данным 84 районов ЦЧО на дату 25 ноября 1930 г. урожай распределили 84,2 % хозяйств; из них распределили по трудодням – 80,9 % (в них 17 % не имели специального фонда на нетрудоспособных, 63,9 % имели такой фонд), комбинированным способом – 10,9 %, по едокам – 8,2 %. В доходах колхозов оплата труда колхозников составляла 33–50 %, премиальный фонд – 0,1–1 %, помощь нетрудоспособным – 1,2–5 %, культурно-бытовой фонд – 2–4 %. В денежном выражении зарплата на один трудодень сильно отличалась не только от района к району, но и в пределах одного района: так, в Мордовском районе средняя зарплата трудодня колебалась от 29 коп. до 2 руб. [3, с. 23–24]. Отдельные крестьяне, особенно бедняки, увеличили в колхозе свой доход по сравнению с единоличным ведением хозяйства, однако в целом колхозное крестьянство не связывало увеличение своих доходов с личным трудовым вкладом в обобществленное хозяйство.

При сравнительном анализе удельного веса культур в колхозах и единоличных хозяйствах отмечено, что в посевах колхозов стало больше пшеницы, ячменя и кукурузы, технических культур, трав; меньше

ржи, овса, гречихи, проса. Уже в 1930 г. в колхозах повысился удельный вес посевов технических и ценных экспортных культур по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами [10, с. 24]. Примечательна в этом отношении записка заместителя председателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулова И. В. Сталину от 2 января 1930 г., в которой он предлагал ускорить темпы коллективизации и усилить степень обобществления в районах специальных технических культур и развитого животноводства. Для местных властей остро стоял вопрос, как распорядиться скотом в зажиточных хозяйствах, которые могли истребить скот вместо передачи его колхозам, и этим затормозить развитие в колхозах животноводства [1, с. 10, 81].

В ЦЧО первый год коллективизации вслед за 1929 г. привел к значительной убыли продуктивного скота. Ухудшение состояния крестьянского стада было отмечено уже осенью 1928 г.: особенно сократилось количество мелкого скота – свиней и ягнят. В наиболее благоприятном состоянии оказался рабочий скот, которого стало даже больше по сравнению с 1927 г. Такие показатели свидетельствовали о том, что крестьяне конъюнктурно сокращали менее ценные с точки зрения производства виды скота, надеялись на улучшение государственной политики и сохраняли рабочий скот на перспективу. Основными причинами сокращения скота сами крестьяне ЦЧО называли недостаток кормов, неблагоприятные рыночные и экономические условия, а также сельхозналог [14, л. 68–70]. В районах сплошной коллективизации зажиточные крестьяне приступали к сокращению всех видов скота, середняки сокращали продуктивный скот. В Тамбовском округе определение размеров продажи и убоя скота не представлялось возможным [15, л. 19–19 об.]. В качестве примера возьмем для сравнения количество скота в РСФСР и в ЦЧО в 1928 и 1930 гг. Если в 1928 г. прирост коров в РСФСР составил 2,7 %, а молодняка – 6,9 %, то в ЦЧО этот прирост составил соответственно 3,1 и 19,2 %, если в 1930 г. в РСФСР убыль коров составила 11,3 %, молодняка – 35,8 %, то в ЦЧО эта убыль составила соответственно 10,3 и 60,5 %. Такие изменения были характерны и для других видов животноводства. В такой обстановке руководство ЦЧО предполагало увеличить количество обобществленного скота на 524 % и организовать в колхозах молочно-товарные фермы [3, с. 26–27]. Таким образом, крестьяне ЦЧО болезненно реагировали на изменения государственной политики, и в 1930 г. животноводство изучаемого региона находилось в катастрофическом положении.

В плане хлебозаготовок ЦЧО на 1929/30 г. было установлено 45 185 000 пудов, однако дополнительно Наркомторг добавил еще 5 000 000 для всех округов.

Установленные нормы немедленно доводились до селений и без обсуждения подлежали исполнению, в первую очередь за счет страховых резервов, а там, где таковых не было, – за счет дополнительного задания сельским советам и комиссиям содействия хлебозаготовок. Для местного снабжения оставалось только 8,5 % собранного продовольствия. При таких объемах вывоза продовольствия в области не хватало складских помещений, что привело к полной загрузке пристанционных складов и тормозило нормальный подвоз хлеба из глубинки [4, л. 14–17 об].

В целом колхозы ЦЧО выполнили план хлебозаготовок 1930 г. на 104,8 %, а индивидуальный крестьянский сектор – на 97,3 %. Что касается хозяйственно-политических целей коллективизации, то уже в 1930 г. колхозы «перекрыли в 2 раза кулацкий хлеб 1927 г.». По данным статистического отдела Областной плановой комиссии, при большей бесхозяйственности и слабой трудовой дисциплине урожайность зерновых в колхозах была немного выше, чем в единоличных хозяйствах: соответственно – 10,23 и 8,81 ц/га [3, с. 20, 34].

В денежном выражении годовой план 1928/29 г. крестьянских платежей в ЦЧО не был выполнен: из 83 238 000 руб. было собрано 69 631 000 руб., или 83,7 %. Несмотря на это, в 1929/30 г. общая сумма платежей с крестьянского населения ЦЧО составила 109 204 000 руб., из которых 55 528 000 руб. – обязательных платежей и 53 676 000 руб. – добровольных [14, л. 40–40 об.].

Так же, как и в промышленности, преступная бесхозяйственность, халатность, разбазаривание, воровство, массовое истребление скота объяснялись враждебными действиями и вредительством проникших в колхоз кулаков. Тем более что по сравнению с более успешно проведенной весенней посевной кампанией осенью колхозы столкнулись с большими трудностями и не выдержали сроков уборки урожая, за что были обвинены зажиточным крестьянством в неумении хозяйничать. Партийное руководство в соответствии с директивой декабрьского 1930 г. пленума Обкома ВКП(б) и ОблКК рассматривало специализацию в качестве средства повышения производительности и товарности колхозов, «целиком подчиненные интересам государства». В первую очередь планировалось создать сырьевую базу промышленности, добиться роста посевов технических культур с намеченными темпами развития индустриализации.

В феврале 1931 г. на втором областном съезде Советов ЦЧО в своем докладе председатель исполкома Центрально-Черноземного областного Совета Е. И. Рябинин констатировал, что 1/3 крестьянских хозяйств организована в колхозы [10, с. 3]. Это был результат борьбы с искривлениями партийной линии в колхозном движении. Правда, директивой объеди-

ненного декабрьского пленума ЦК ВКП(б) и ЦКК, Обкома ВКП(б) и ОблКК была поставлена задача на 1931 г.: «Обеспечить в 1931 г. охват коллективными хозяйствами для Украины (степь), Северного Кавказа, Нижней Волги, Средней Волги (Заволжья) в среднем не менее 80 % крестьянских хозяйств, что означает для этих районов завершение в основном сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Для остальных зерновых районов – ЦЧО, Сибирь, Урал, Украина (лесостепь), Казахстан (зерновые районы) – обеспечить 50 % коллективизации крестьянских хозяйств» [3, с. 45].

Форсированный и масштабный характер коллективизации и высокая степень обобществления ресурсов в ЦЧО объяснялись той важной ролью региона, которую он играл в аграрном производстве страны. Первый год коллективизации дал несколько повышенный урожай по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Широкое применение насилия привело к оттоку крестьян из колхозов уже в конце 1929 г. В катастрофическом положении находилось животноводство области. С точки зрения исключительных государственных интересов коллективизация крестьянских хозяйств в ЦЧО должна была способствовать индустриализации. Поэтому при строительстве колхозов в Центральном Черноземье уже в 1930 г. намечалась их специализация: производство высокотоварных рыночных культур, прежде всего яровой пшеницы, создание сахарной промышленности, увеличение посевов технических культур и развитие животноводства. Единственная государственная помощь колхозам – кредитование – зависела от максимальной мобилизации средств самого крестьянства. При крайней ограниченности ресурсов, дефиците кадров, слабой организации труда и трудовой дисциплины колхозы выполнили завышенное плановое задание 1930 г. за счет перенапряжения сил крестьян, тягловой силы и небольшого количества машин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2000.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 16 т. Т. 5: 1929–1932. – М., 1984.
3. Колесников М. И. Итоги хозяйственного года в колхозах ЦЧО и очередные задачи сплошной коллективизации / М. И. Колесников. – Воронеж, 1931.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 1235. ВЦИК РСФСР. – Оп. 106. – Д. 439.

5. Пятилетний перспективный план развития хозяйственной и культурной жизни Тамбовского округа на 1927–28 и 1931–32 гг. Вып. 2 / Тамбов. окруж. плановая комиссия. – [Тамбов] : Изд. Тамб. Окрисполкома, 1929.

6. Памятка по проведению мероприятий весенней сельскохозяйственной кампании по Козловскому округу ЦЧО в 1930 году / ОКРЗУ. – Козлов, 1930.

7. План весенней сельскохозяйственной кампании на 1930 год в колхозах ЦЧО / Центр.-Черн. обл. союз коллективных хоз-в. – Воронеж, 1930.

8. *Чаянов А. В.* Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий / А. В. Чаянов. – М., 1928.

9. Сборник материалов по перевыборам органов управления и контроля в колхозах ЦЧО / Облколхозсоюз и Облкоопхлебсоюз ЦЧО. – Воронеж, 1930.

10. Постановления второго областного съезда Советов ЦЧО : 16–22 февраля 1931 года. – Воронеж, 1931.

11. Пятилетний перспективный план развития хозяйственной и культурной жизни Тамбовского округа на 1928–29 и 1932–33 гг. Вып. III: Сельское хозяйство / Тамбов. окруж. плановая комиссия. – Тамбов, 1929.

12. Тамбовский окружной съезд колхозных работников. Решения II-го съезда колхозных работников Тамбовского округа. 1–4 декабря 1929 года / Тамб. окрколхозсоюз. – Тамбов, 1930.

13. Сборник руководящих материалов по подготовке колхозов к весеннему севу. – Тамбов, 1930.

14. ГАРФ. – Ф. А-374. ЦСУ РСФСР. – Оп. 16. – Д. 50.

15. ГАРФ. – Ф. А-374. ЦСУ РСФСР. – Оп. 16. – Д. 59.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

*Петришина И. Д., кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
E-mail: petrishina62@mail.ru*

*Lipetsk State Pedagogical University named after
P. P. Semenov-Tyan-Shansky*

*Petrishina I. D., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Russian and World History
Department*

E-mail: petrishina62@mail.ru